

Лицо Сы Цзиня, и без того казавшееся мертвенно-бледным, потемнело еще сильнее. Его охватило глухое отчаяние.

Заяви какой-то невесть откуда взявшийся мальчишка, что он притворяется больным, брат бы только отмахнулся. Но репутация Цзи Яогуана в их кругах была безупречной. Стоит Лазурному императору подтвердить эти слова — и неважно, симулирует Цзинь на самом деле или нет, — как Сы Ли просто взорвется от ярости. Последствия этого Сы Цзинь боялся даже представить.

Подобный расклад загонял Сы Цзиня в угол. С его нынешними силами он не мог и помыслить о том, чтобы заставить Цзи Яогуана замолчать навеки. Ему оставалось лишь бессильно, со сдерживаемой дрожью в голосе пролепетать:

— Ладно, ваша взяла. Что именно я должен делать?

Линь Чжао на секунду лишился дара речи.

— Да что с тобой такое? Веди себя нормально. Я пришел помочь тебе справиться с Истоком-призраком. Ты хоть понимаешь, что они задумали?

Сы Цзинь замер, и его лицо наконец обрело относительное спокойствие.

— Один из вас — без роду и племени, явился невесть откуда и с ходу раскрыл мои самые тщательно оберегаемые тайны. Второй — изгнанник, который только и делал, что наговаривал на меня брату, пытаясь рассорить нашу семью. И теперь вы в один голос твердите, будто пришли спасти меня от Истока-призрака... Посудите сами, вы бы на моем месте поверили в такое благородство?

Пока Линь Чжао лихорадочно подбирал слова для убедительного ответа, стоявший рядом Цзи Яогуан негромко произнес:

— А-Цзинь, неужели ты не хочешь ничего объяснить?

Сы Цзинь слегка приподнял бровь:

— Объяснить что? Решил заступиться за моего брата и восстановить справедливость?

Цзи Яогуан помолчал несколько мгновений, прежде чем мягко ответить:

— Перед тем как прийти, я виделся с твоим братом и предупредил его, что хочу навестить тебя. Лишь после этого я позвал с собой А-Чжао. О твоём настоящем состоянии я сам узнал только что. Мне кажется... возможно, у тебя были веские причины? Какое-то недоразумение?

Обнаружив столь великодушно подставленное плечо, Сы Цзинь мгновенно сострыпал на лице обиженную гримасу. Его мысли завертелись с бешеной скоростью, и он уже открыл рот, готовый выдать очередную складную ложь.

Но Линь Чжао лишь закатил глаза. Шагнув вперед, он бесцеремонно накрыл ладонь Сы Цзиня своей рукой, стойко перенося слабое покалывание ядовитого разложения.

В то же мгновение все заготовленные слова застряли у Сы Цзиня в горле. Его приоткрытый рот так и застыл — он напоминал воробья, которого внезапно схватили за шею.

Он осторожно коснулся тыльной стороны ладони, прислушиваясь к ощущениям внутри своего тела, а затем вскинул голову и в упор уставился на Цзи Яогуана, словно ища в его глазах подтверждение невероятной догадки.

Цзи Яогуан едва заметно кивнул. В прошлых петлях времени Сы Цзинь ни разу не замыслил зла против Маленькой птички, а значит, ему можно было доверять.

Сы Цзинь беззвучно шевельнул губами, пытаясь выразить бушевавшие в душе чувства, но так и не проронил ни звука. Зато стоявшая рядом «птичка» разразилась до неприличия заливистым, торжествующим хохотом. Смех Линь Чжао прозвучал настолько громко, что заставил обернуться многих людей в отдалении.

— Послушай... покажешь мне? — с благоговейным трепетом, затаив дыхание, спросил Сы Цзинь, не сводя глаз с Линь Чжао.

— Что показать? — недоуменно нахмурился тот.

— Ну птицу же! — Сы Цзинь ткнул пальцем в потолок, его дыхание стало прерывистым. — Ту самую великую птицу!

При мысли о лысом, невзрачном птенце, ютящемся у него на груди, Линь Чжао мгновенно надулся:

— Мечтать не вредно! Старое дерево еще сам в глаза эту птицу не видел, с какой стати ты должен стать первым?!

Он твердо вознамерился явить взору Яогуана великолепного, сияющего Золотого ворона во всем его величии, с роскошным оперением. А на нынешнего полуголого заморыша он сам во время мытья лишний раз глядеть не желал.

Цзи Яогуан порывался возразить, что уже видел тотем, но вовремя вспомнил: истинный облик А-Чжао он действительно пока не созерцал. Ограничившись мягкой полуулыбкой, он бросил на Сы Цзиня взгляд, в котором невольно промелькнули величие и собственническая гордость,

подобающие истинному спутнику жизни.

Впрочем, Сы Цзинь ничуть не расстроился. В этот миг до него наконец дошло, почему Лазурный император, которому суждено было погибнуть, вновь ступил на эти земли. Он вернулся не как предвестник гибели, а как хранитель величайшего сокровища. Сы Цзинь мысленно хмыкнул: пусть «Старое дерево» порой и отличался поразительной глупостью, его сердце действительно было преисполнено всеобъемлющей, жертвенной любви. Будь на его месте сам Сы Цзинь, получивший во владение столь бесценное дитя Золотого ворона, он костями бы лег, но уберег эту тайну от чужих ушей.

Сы Цзинь глубоко вдохнул, справляясь с волнением:

— Что ж, тогда позвольте мне начать с собственной истории. Прошу вас, присаживайтесь. Разговор предстоит долгий.

Он дважды легонько постучал пальцами по краю стола. Из ниоткуда тут же выпорхнула стайка крошечных птиц. Держа в клювах роскошные шелковые одежды и изумительный венец из перьев, они в мгновение ока преобразили его облик. Некоторые птицы опустились прямо на его бледное лицо, мгновенно растворяясь и превращаясь в живую, пышущую здоровьем плоть. Перед гостями предстал совершенно другой человек — полный сил и величия.

Цзи Яогуан с легким удивлением покачал головой:

— Вот оно что... Значит, все эти годы ты консервировал собственную жизненную силу и плоть внутри тотема. Неудивительно, что даже шаманка Камелии не сумела разгадать твой недуг. Твоя душа и кровь действительно выглядели увядающими и истощенными, ведь ты попросту выселил их из собственного тела.

— Польщен вашей проницательностью, — тонко улыбнулся Сы Цзинь.

Цзи Яогуан вовсе не собирался хвалить хитреца. Не говоря ни слова, он усадил А-Чжао за стол и устроился рядом.

Тем временем порхающие вестники принесли в клювах изысканные яства: на столе появились чаши с ароматным вином, сочное жареное мясо, свежая рыба и сочные речные креветки.

Спустя мгновение хозяин дома с глубоким вздохом опустился на стул напротив гостей и бережно налил им чай:

— Эх, сколько лет я уже не носил приличных одежд и не вкушал нормальной пищи... Все ради того, чтобы поддерживать легенду. Считайте, благодаря вашему визиту я наконец-то могу вздохнуть свободно.

Цзи Яогуан остался безучастен к этому хвастовству — за долгую жизнь он повидал немало роскоши. Подняв пиалу, он неторопливо сделал глоток, наслаждаясь тонким ароматом чая.

Линь Чжао, напротив, с живым любопытством принялся разглядывать обилие незнакомых блюд. Он легонько ткнул Лазурного императора локтем в бок и указал глазами на тарелку с хрустящей жареной рыбешкой, стоявшую чуть поодаль.

Суровость на лице Цзи Яогуана мгновенно растаяла. Мягко улыбнувшись, он потянулся палочками, подцепил золотистую рыбку и заботливо поднес прямо к губам юноши.

Сы Цзинь на секунду поперхнулся, глядя на эту идиллию. Выждав, пока Линь Чжао с аппетитом проглотит угощение, он негромко заговорил:

— Помнишь ли ты, Лазурный император, нашу девятую кампанию в Безлунном море?

— Помню, — отозвался Цзи Яогуан. Заметив недоумение на лице Линь Чжао, он нежно пояснил ему: — Безлунное море раскинулось к востоку от Шаманского царства. Это место еще более гиблое и опасное, нежели Океан Руин Демонов. В его пучинах обитают чудовищные морские твари. Каждые несколько сотен лет они вызывают сокрушительные наводнения, и волны несут с собой древних чудовищ уровня Сюаньфу, готовых стереть с лица земли шесть восточных вассальных государств. Чтобы не допустить этого, я веками держал там оборону.

Сы Цзинь горько усмехнулся:

— В той битве одна за другой угасли жизни троих небесных шаманов. Мы с братом тоже получили тяжелые раны. Мою душу тогда до смерти перепугал древний зверь Куньпэн. Физически я почти не пострадал, но страх навсегда выжег во мне воинскую отвагу... Разве мог я признаться кому-то, что при одной мысли о поле боя меня прошибает холодный пот и хочется бежать без оглядки? Выхода не было — пришлось разыграть смертельную болезнь.

— Но начав эту ложь, я уже не смог остановиться, — со вздохом продолжил Сы Цзинь. — Вспыльчивый нрав моего брата после тех событий заметно угас. Прежде он никогда не шел на компромиссы и не склонял головы, но ради меня научился терпеть и нести бремя власти в одиночку. Глядя на его жертвы, разве мог я подняться с ложа и признаться во всем, став для него еще большей обузой?

Линь Чжао не выдержал и хмыкнул:

— Да ладно тебе оправдываться внешними обстоятельствами. Ты просто увидел, что владыка Ди прекрасно справляется сам, и решил безбедно пожить в свое удовольствие, ничего не делая.

— Твоя правда, — ничуть не обидевшись на прямоту юноши, Сы Цзинь мягко рассмеялся. — Но

это лишь одна сторона медали. Я не хотел, чтобы брат отдавал последние силы борьбе, потому что... попросту не видел выхода из того тупика, в котором мы все оказались.

Договорив до этого места, он щелкнул пальцами. В воздухе побежали невидимые волны, соткав полупрозрачную карту. Центр ее оставался слепым белым пятном, но по краям были четко выведены очертания двадцати четырех вассальных государств, русла рек и хребты гор.

— Посмотрите сами. С тех пор как тысячу лет назад была объявлена великая экспансия, наши владения разрослись до этих пределов. Но это предел. Земли вассальных государств и самого Шаманского царства истощены — их ресурсов больше не хватает, чтобы взрастить новых шаманов.

— Однако во всех уделах, от столицы до глухих окраин, численность простых людей неуклонно растет. При таких темпах нас давно должен был сожрать повальный голод. Но этого не происходит. Как думаете, почему?

Цзи Яогун нахмурился, в комнате повисло тяжелое молчание.

— Несмотря на строжайший запрет шаманских богов на человеческие жертвоприношения... избыток населения в царстве и вассальных землях просто бесследно исчезает.

Линь Чжао округлил глаза от изумления. Аппетитная рыбка в его руке вмиг потеряла всякий вкус.

— Как это — исчезает? Куда?

Сы Цзинь тяжело вздохнул:

— Кровавые подношения — это безумие, попытка утолить жажду ядом. Но представь себе картину: благополучие огромного клана из сотен человек держится исключительно на плечах одного-единственного шамана. Стоит ему уйти за грань, и вся его родня скатится на самое дно, превратившись в бесправную чернь. Разве не дрогнет его сердце? Разве близкие не станут умолять его пойти на любой, даже самый жуткий грех ради спасения семьи?

— Торговля людьми в вассальных государствах уже давно превратилась в баснословно прибыльный промысел, — на губах Сы Цзиня заиграла холодная усмешка. — Если бы не железная рука шаманских богов, этот ужас давно бы творился среди бела дня. Я подозреваю, что твоя прошлая гибель тоже была делом их рук — тебя попросту подставили. Спасая миллиарды жизней в восточных землях и удерживая от падения рубежи восточного фронта, ты совершил великий подвиг. Но твоя безвременная кончина подкосила саму веру людей во всех двадцати четырех вассальных государствах. И никакие строжайшие указы свыше не смогли скрыть правду о твоём уходе.

Линь Чжао сжал кулаки, в его груди закипел гнев:

— И что, никто даже не попытался положить этому конец?!

— Отчего же, пытались, — Сы Цзинь горько улыбнулся. — Только законы пишутся на бумаге, а жизнь течет по своим руслам. Когда человек стоит на краю могилы, зная, что его смерть погубит всю семью, закон теряет силу. Наказание за бунт не страшнее голодной смерти. Раз уж итог один, почему бы не сыграть с судьбой в орлянку?

Пальцы Цзи Яогуана побелели, до боли впившись в ладонь. Он прекрасно осознавал, какую цену придется заплатить за его давнее решение. Но в тот роковой миг любой его выбор вел к катастрофе.

Заметив это, Линь Чжао без колебаний накрыл его напряженную ладонь своей и решительно посмотрел на Сы Цзиня:

— Хватит вешать на него всех собак! Разве Безлунное море принадлежало только Яогуану? Неужели все остальные защитники разом вымерли? Не нужно перекладывать вину на чужие плечи. Если государство способно существовать лишь за счет чьей-то вечной жертвы, то грош цена такому государству. Ему следовало готовиться к худшему и учиться выживать самостоятельно, а не укорять того, кто отдал ради общего блага все, что имел!

Сы Цзинь неловко кашлянул, но его взгляд остался мягким и понимающим:

— Что ж, каюсь. Я привык рассуждать подобным образом. Раз А-Чжао это не по душе, я больше не стану поднимать эту тему.

— К слову, я слышал, ты пока не научился летать и не знаешь, какое это непередаваемое блаженство — парить в облаках, — Сы Цзинь заговорщически улыбнулся. — У меня припрятано чудесное одеяние из перьев. Не желаешь примерить?

Линь Чжао, не желая выглядеть глупым несмышленишем, гордо вздернул подбородок:

— Обойдусь. Оставь себе.

Сы Цзинь не стал настаивать и плавно вернулся к прерванному рассказу:

— Таким образом, за прошедшие века вассальные государства раскололись на два лагеря. Одни покорно ждут милости от Шаманского царства, вымаливая крохи поддержки. Другие же считают, что право на жизнь священно, и если у них чего-то нет, они вольны забрать это у соседей силой.

— Теперь, когда здоровье моего брата пошатнулось, а осквернять себя жертвами он наотрез отказался, — голос Сы Цзиня зазвучал ровно и хладнокровно, — я решил пойти ва-банк. Я заключил сделку с Истоком-призраком, сделав вид, будто готов устроить великое подношение ради его исцеления. Это неизбежно привлечет тех стервятников-шаманов, кто не прочь поживиться за чужой счет. А сила души одного одаренного шамана превосходит жизни тысяч простых смертных. Стоит обернуть этот ритуал против них самих и принести в жертву их души, как таинственный «Исток» получит свою плату и не станет придирается к качеству подношения. Так я и брата спасу, и уберегу большую часть государства Ди от разорения.

— В худшем случае государство Ди просто исчезнет с лица земли — но к этому все и так шло. Вот, собственно, и весь мой замысел, — Сы Цзинь подвел черту под своими словами. — Главный козырь в этом уравнении — я сам. На самом деле я абсолютно здоров. А уж в решающий момент сил одного небесного шамана вполне хватит, чтобы переломить ход любой игры.

Линь Чжао внимательно дослушал его до конца и подытожил:

— Что ж... План, конечно, шит белыми нитками и полон дыр, но, надо признать, ты хотя бы попытался что-то предпринять.

Сы Цзинь расплылся в довольной улыбке:

— Именно поэтому твоя помощь, А-Чжао, для меня — величайший дар небес!

Затем он повернулся к Лазурному императору:

— Полагаю, у тебя, Лазурный император, сейчас туго с припасами и кровом. Верно ведь?

Сы Цзинь плавным жестом взмахнул рукой, и призрачная карта перед ними зарябила, уступив место живописному изображению уединенной усадьбы у воды.

— Вот, взгляните. Это мое самое любимое поместье. Там есть чистые пруды, удобные нашесты и даже гнезда, сплетенные из золотых нитей. Виды там открываются потрясающие. Если не брезгуете, можете расположиться там на время, а к деталям нашего дела мы вернемся чуть позже.